

Quarantine

Карантин как состояние изоляции и предупредительного исключения — это базовое душевное состояние западных обществ.

От распространения СПИДа (1981) через теракты 11 сентября (2001) к Covid-19 люди постепенно, но неумолимо сами исключали себя из общественной жизни, чтобы не подвергать риску собственное выживание.

Люди в этой части мира выбрали жить внутри своих домов, за своими воротами, за своими стенами, внутри собственного мозга, вырабатывая необыкновенные фантазии о том, что магическим образом должно случиться в будущем, полагаясь на тщетную возможность, что технология сможет заполнить пустоту смысла и тепла в сердцах.

Серия Quarantine сосредоточена на видении современного человека в благополучной западной цивилизации;

существа, которое из страха умереть или не прожить достаточно долго предпочитает воображать, что живёт,

окружая себя успокаивающими и безопасными суррогатами реальной жизни.

Это душевное состояние исключает тело как орудие движения и удовольствия;

тело становится прежде всего орудием передачи смертельных вирусов.

Опыт жизни становится виртуальным, смещённым, обращённым главным образом к чувству зрения и к одному лишь мозгу.

Я изображаю своих безголовых моделей — с большой сферой вместо головы, сферой, переполненной несказанными и неосуществимыми желаниями,

страхами и надеждами, возложенными на чудесное будущее, в котором вновь станет возможным жить по-настоящему.

В состоянии, подобном заключению, в ситуации, когда наша свобода передвижения ограничена,

независимо от причины, у нашего разума есть единственная возможность путешествовать через воображение,

к новым мирам, чтобы продолжать оставаться в своём естественном состоянии свободы.

Искусство и культура, конечно, не умерли ни при фашизме, ни при сталинизме, ни при других диктатурах;

умирают лишь умы людей, переставших мечтать.

Кризисы обнажают реальное положение системы или процесса;

и пандемический кризис 2019/2020 годов тоже имел то достоинство, что помог нам понять, где мы живём,

и помог освободить наш разум от вымышленного и лицемерного рассказа, который мы повторяли себе до сегодняшнего дня о нашей действительности.

Кризис позволил увидеть, каковы наши подлинные приоритеты — если не как общества, то по крайней мере как группы людей, живущих в одной стране и подчиняющихся одним и тем же законам.

Оказавшись перед необходимостью выбирать между важными и неважными услугами,

мы констатировали, что государственное образование, спорт, искусство и культура в их число не входят,

не говоря уже, разумеется, об отрицании свободного передвижения людей по территории,

закреплённого конституцией.

В конце концов, «Италия — демократическая республика, основанная на труде», и всё прочее испокон веку идёт после.

Неважно, доволен ли работник своей жизнью помимо того, что имеет минимальные средства к существованию, чтобы платить за аренду и покупать продукты на рынке.

Государственное образование считается второстепенным по важности, поскольку оно качественно посредственно; мы издавна знаем, что нашим детям понадобится обучение в частной сфере, если мы захотим дать им образование высокого уровня.

И спорт не пользуется доброй славой: поддерживать хорошую физическую форму в нашей стране считается —

скорее чем способом укрепить собственный иммунитет — признаком фашистских симпатий.

Напротив, спорт высокого уровня (в котором присутствуют большие экономические интересы)

был сочтён необходимым и практиковался без всех тех абсурдных предосторожностей, что требовались от обычных граждан.

Искусство и культуру на словах считают важными, но распространено мнение, что они относятся к сфере тех, кто по-настоящему не работает.

Экономическая сфера поглотила все области жизни, сделав необходимым создание прибавочной стоимости

даже в тех областях, которые по своей природе не могут её порождать.

Государственное здравоохранение, ставшее санитарным предприятием, школа, ставшая школой-работой,

искусство, ставшее объектом инвестиций, наука, ставшая областью вложений крупных фондов, —

всё это симптомы недуга, связанного с вечным стремлением к созданию экономического излишка;

в этой оптике школа, которая, при всех своих издержках для общества, способна воспитывать ответственных,

солидарных и радостных людей, не имеет никакой ценности; порождение прибавочной стоимости, отличной от экономической, считается второстепенным.

Кроме того, прибавочная стоимость, создаваемая в экономической сфере, вновь вкладывается в новую деятельность в

поиске новой прибавочной стоимости, повторяясь до бесконечности с единственной целью накопления,

а не в области, считающиеся второстепенными.

Наконец, значительная часть налоговых поступлений используется для поддержки тех же самых экономических сфер,

когда они оказываются в затруднении.

Роль СМИ в этом кризисе изобличает неспособность представить публике ряд противопоставленных тезисов.

СМИ сведены к единому видению — вплоть до того, что клеймят иные точки зрения словом «отрицатель», рождённым в совсем иных исторических обстоятельствах.

Не предусмотрено состязания между господствующим тезисом и прочими, об этом не позволено говорить.

В случае кризиса СМИ принимают своего рода военный режим, терроризируя граждан и поддерживая

установленную власть и принятые меры, каковы бы они ни были.

Таким образом они увеличивают число контактов и продаж;

все мы заинтересованы знать, не происходит ли чего-то особенно серьёзного,

и они находят хороший предлог для сближения с политической

(государственные средства на издательское дело) и экономической властью.

И общественные СМИ, наравне со школой, здравоохранением, правосудием, искусством, культурой и другими сферами,

лучше исполняли бы свою задачу ради сообщества (если бы таковое существовало), будучи вынесены за пределы

экономической сферы, как теоретизировал ещё сто лет назад Рудольф Штайнер.

Школы, которые не учат, СМИ, которые не информируют, больницы, которые не

лечат, администрации и государственные учреждения,
крадущие наше время созданием абсурдных бюрократических лабиринтов;
кто выигрывает от пользования этими услугами, кроме тех, кто в них работает и
получает зарплату
за предоставление, как правило, скверной услуги?
Должны ли мы утверждать, что лучше иметь нечто, что не работает, чем ничего?
Не та ли это самая логика, что побуждает нас покупать и потреблять вредные и
загрязняющие продукты,
вместо того чтобы попросту обходиться без них?
Не было ли бы, пожалуй, менее лицемерным на этом этапе — ввиду явной
неспособности этой системы создать государственную
услугу — вовсе отказаться от неё и приватизировать все области жизни?

Религия в контексте ковида проявила себя настолько бесполезной, что дошло до
закрытия церквей.

Мы воображали, что у большинства итальянцев духовная жизнь связана с посланием
Христа;

нет ничего более ложного, и мы уже поняли это по итогам выборов: очевидно, многие
ходили в церковь, чтобы совершить
суеверный обряд, ставший опасным и бесполезным из-за вируса.

Единственная религия, в которую мы действительно верим и из которой черпаем
утешение, — это наука;

но верим мы в неё с религиозным фанатизмом: существует один-единственный
истинный вирусолог, и даже Папа склоняется перед ним.

Luca Motolese

motolese.com — Оригинал на итальянском